

ФЕНОМЕН ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Б.Л. Хамидуллин

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

bulat.antat@mail.ru

Резюме. В результате целого комплекса политических, социальных, экономических и природно-климатических причин во второй трети XV в. Улус Джучи перестал существовать как единое государство. Распад Золотой Орды привёл к появлению целого «созвездия» государств, продолжавших золотоордынские традиции и представлявшие из себя вполне целостную средневековую конфедерацию. На основе золотоордынских улусов возникли новые государства-«юрты» – Улуг Улус (Большая Орда, 1441–1502), Крымское (1441–1783), Казанское (1445–1556), Касимовское (1445–1681), Тюменское/Сибирское (1446–1598), Астраханское (1459–1556), Узбекское (1469–1510) и Казахское (1469–1718) ханства Джучидов, Ногайская Орда (Мангытский юрт, 1480–1613) Идегидов, а также иные более мелкие государственные образования потомков золотоордынских татар на территории от Южной и Центральной Европы до Центральной Азии и Сибири, в разной степени унаследовавшие традиции золотоордынской политической системы, экономики и культуры. И сегодня уже мало кто спорит с тем, что Золотая Орда и напрямую, и опосредованно оказала огромное влияние на становление российской государственности. Более того превращение Московского княжества в Московское царство, а затем в Российскую империю произошло после распада Золотой Орды именно в ходе борьбы за её политическое и территориальное наследство. Всё это рождает огромный интерес к феномену Золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: Золотая Орда, цивилизация, феномен, татары, казахи, ногайцы, узбеки, наследие, Россия.

Для цитирования: Хамидуллин Б.Л. Феномен Золотоордынской цивилизации. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(1): 36–61.

В 2019 г. Россия и Казахстан планируют отметить 750-летие основания Золотой Орды (Улуса Джучи) как суверенного государства. Ведь как мы знаем, окончательное отделение Улуса Джучи от Монгольской империи произошло в 1269 г. при хане Менгу-Тимуре, внуке Бату, – юридическое оформление независимости Золотой Орды получила на проведённом в Средней Азии на берегу реки Талас курултае представителей Чингизидов и татаро-монгольских нойонов. Указанная юбилейная дата сподвигла меня написать обзорную статью о феномене Золотоордынской цивилизации, являющейся историческим достоянием/наследием многих тюркских народов, и оказавшей огромное влияние на становление и развитие многих государств Центральной Евразии.

...Степи Евразии, бескрайние, раскинувшиеся на многие тысячи километров... В течение десятков веков выплескивали они в западном и южном направлениях многолюдные волны бесчисленных кочевников – «сотрясателей Вселенной»: скифов, сарматов, гуннов, «небесных тюрков», хазар, болгар, гузов, печенегов, кыргызов, кимаков, кыпчаков и других племён, периодически создававших гигантские либо «просто» очень большие по своим территориальным масштабам государственные объединения¹...

В XIII в. степные просторы Евразии вновь стали ареной, на которой разыгрались грандиозные исторические события, по своему размаху и последствиям сравнимые разве что с Великим переселением народов. В центрально-азиатских степях состоялось объединение многочисленных тюрко-монгольских племён в единое государство под властью волевого и харизматичного монгольского вождя Тэмуджина/Темучжина (1155/1162–1227), получившего впоследствии титул-имя «Чингиз-хан» и давшего своей царствующей династии и всем своим сторонникам и подданным имя «монгол», а государству – название «*Yeke mongol ulus*» («Да мэн-гу го» по-китайски, или «Великое монгольское государство» по-русски) в память о «*Qatıuq mongqol ulus*» («Хамаг монгол улус») своего прадеда Хабул-кагана. Доведя путём комплекса реформ до наивысшего совершенства эффективность методов объединения кочевников, Чингиз-хан и его наследники Чингизиды в первой половине XIII в. приступили к осуществлению многолетней программы завоевательных походов и войн. Я не стану подробно описывать ход этих завоеваний, которым в историографии посвящён огромный пласт литературы. Отмечу только, что такого размаха и таких темпов мировая военная история, по существу, ещё не знала никогда. Монголо-татарское нашествие было подобно лавине, усиливающейся за счёт покорённых народов. Оно настолько поражало современников своим напором и неотвратимостью, что те сравнивали его разве что с природными катаклизмами, и как христиане, так и мусульмане, относились к нему не иначе, как к Божьей каре за людские прегрешения, «ветру Божественного гнева», развеивающему подобно соломѣ целые народы. В результате возникла гигантская Монгольская суперимперия (1206–1269), по своим размерам (около 40 млн км²) не имевшая прецедентов в истории человечества. Во второй половине XIII в. она охватывала невообразимо обширные территории: собственно Монголию вплоть до Байкала на севере, Северный и Центральный Китай до реки Янцзы, Корейский полуостров, Центральную, Среднюю и Переднюю Азию до реки Инд, Закавказье, Ближний Восток до Палестины, а также Восточную Европу до реки Дунай с общим населением не менее 160 млн человек.

Ещё в процессе формирования своего огромного государства Чингиз-хан поделил страну на улусы, главный из которых оставил себе, а два периферийных отдал в вассальное управление сыновьям Джучи и Чагатаю. Уже после его смерти возник ещё один улус – внука Хулагу. К моменту завершения формирования Монгольской империи улус кагана (хана ханов; великого

¹ Письменные источники об этих и других тюркских племенах и государствах представлены мной в нескольких сборниках: [10; 13; 39].

хана) включал Монголию и Китай, Улус Чагатая – территорию нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан), Улус Хулагу – Иран, Афганистан, Южное Закавказье и Месопотамию. Улус Джучи, основанный в период 1219–1224 гг. из первоначального удела Джучи (возникшего из покоренных земель енисейских кыргызов и «лесных народов» юга Сибири в 1207–1208 гг.), составлял западную часть государства, с учётом зависимых территорий охватывая с востока на запад земли от Алтая до Дуная, и с юга на север – от Арала до Урала (Прииртышье, Саяно-Алтайское нагорье, Западную Сибирь, Приаралье и Приуралье, Нижнее и Среднее Поволжье, Северный Кавказ, Подонье, Северное Причерноморье, Приднестровье, а также северо-восточную часть Восточно-Европейской равнины).

Консолидация в рамках единой Монгольской империи была необходима в первую очередь для продолжения широкомасштабных завоеваний. Но после их завершения и наступления мирной жизни единое управление и контроль над столь огромными и разнородными порабощёнными территориями оказались весьма проблематичны. По ходу развития мирных хозяйственно-общественных процессов, культурного сближения завоевателей с завоёванными, возрождения и усиления местных домонгольских традиций, к которым приходилось приспосабливаться пришлым правителям, возникали локальные специфические формы политической, хозяйственной и культурной жизни. Нити управления всё больше сходились на уровне отдельных улусов, власть же и опека кагана из имперской столицы Кара Хорума (Кара Корыма, Каракорума) становилась фактически бесполезной обузой, всё больше связывала по рукам, тяготила улусных правителей и региональную знать. Ослабление центральной власти и междоусобная распря за карахорумский престол привели к тому, что в 1269 г. главы улусов Джучи, Чагатай и Хулагу отказались признавать самопровозглашённого Великого хана Хубилая, разграничили свои владения, подведя черту под существованием единой Монгольской империи и узаконив её окончательный распад [41; 42].

В Юаньском Китае (Хубилай основал новую династию Юань, перенёс свою столицу из Кара Хорума в Ханбалык – совр. Пекин) и Хулагуидском Иране довольно быстро, в Средней Азии (Улус Чагатай) немногим позже (в общей сложности через 90–120 лет) чингизидские династии были свергнуты, политические и общественные институты монгольского происхождения практически полностью искоренены, бывшие мощь и влияние утрачены. У Джучидов же всё это сохранилось; к тому же по размаху территории, достигавшей в разные периоды истории 6–8 млн км², их улус был крупнейшим. Поэтому именно Улус Джучи, на мой взгляд, следует считать основным наследником Монгольской империи, сохранившим её могущество, и последним в череде великих степных империй, начиная от скифской. Она осталась в общественной памяти под рядом принятых в различных национальных и исторических традициях названий: Улус Джучи, Улуг (Великий) Улус, Улуг Орду, Дешт-и Кыпчак (Половецкая степь), Великая Тартария, и, наконец, Золотая Орда. Последнее наименование является, пожалуй, наиболее распространённым в отечественной и зарубежной науке и публицистике

и, на мой взгляд, наилучшим образом отражает величие и могущество этого государства.

Безусловно, что как и Монгольская империя, Золотая Орда была создана на основе военной силы. Стремительные завоевания и покорение монголо-татарами множества стран и народов сопровождалось уничтожением и пленением огромного числа людей – воинов и мирных жителей, страданиями оставшихся в живых. Были разрушены многие города, сожжены деревни. Но, как гласит древнее изречение китайского оратора Лу Цзя (III–II вв. до н.э.), приписываемое, в том числе, и советнику Чингиз-хана Елюй Чуцаю (1189–1243), «Сидя на коне можно завоевать империю, но нельзя ею управлять, сидя на коне». Империи, построенные исключительно на насилии, не могли существовать долго, быстро распадались. Вряд ли и Золотая Орда смогла бы держаться лишь на силе оружия и жестоком подавлении всякого сопротивления и недовольства, на слабости покорённых после завоевательного удара, на их страхе перед повторными карательными экспедициями и возможным истреблением (хотя унаследованная от монголо-татар военная сила Улуса Джучи была действительно велика и внушала, по истине, мистический страх, а акции против непокорных проводились молниеносно и неотвратно). Процесс возникновения и существования мегаимперий, как правило, гораздо более сложен, чем просто завоевание и порабощение. Они строятся на сочетании как принуждения, так и благ, которое даёт объединение, то есть на определённом взаимовыгодном консенсусе. Имперское государство становится устойчивым, когда делается полезным обществу, является гарантом порядка, производства, инфраструктуры. Так и создание Золотой Орды привело к появлению, в частности, намного более устойчивой и стабильной политической ситуации в Центральной Евразии и Восточной Европе. Народы и государства, завоёванные и вошедшие сначала в Монгольскую империю, а затем и в Улус Джучи, в основной своей массе в предшествующий период находились в условиях постоянных междоусобиц и распрей, внутренних и внешних конфликтов. Здесь шли частые и кровопролитные междоусобные войны, во время которых также разрушались города, приходили в запустение поселения. Включение же в состав империи Джучидов дало относительно твёрдый государственный порядок, резко отличающийся от предыдущих неустойчивости и раздробленности. В окружении ослабленных войнами, междоусобицами и внутренними противоречиями соседей Золотая Орда стала выглядеть великолепным «островом стабильности».

Монголо-татары принесли идею централизованной власти, благодаря которой объединили прежде слабоорганизованные степные племена Дешт-и Кыпчака. Уже триумфатор западного похода Бату (сын Джучи, «Батый» русских летописей), пересев из седла на трон (а первой его столицей-резиденцией стал город Болгар на территории Татарстана), сменил амплуа полководца на амплуа строителя государства. Он и последующие правители Улуса Джучи создали стройную, сложно-разветвлённую, но, не смотря на это, довольно устойчивую систему управления страной. В бывшем кыпчакском «Диком поле» на смену постоянным межплеменным распрям и вражде

пришла стройная и твёрдая государственная система улусов с чётким десятичным делением населения. Более того, здесь произошла подлинная социальная революция, когда на смену родоплеменным отношениям пришёл военно-феодальный строй на основе условных (суйургал) и безусловных (тархан) пожалований. Был выстроен эффективный государственный механизм. Неразбериха, внесённая военными действиями, уничтожением либо отстранением от власти прежней кыпчакской элиты, со второй половины XIII в. почти на сотню лет уступила место относительно мирной, стабильной жизни в могущественном государстве. Об уровне безопасности свидетельствует, например, тот факт, что города во внутренних районах Золотой Орды до второй половины XIV в. не имели крепостных стен и иных укреплений.

Старые тюркские племенные союзы были раздроблены и включены в военно-административную и клановую структуру Улуса Джучи; их племенная знать частью была истреблена, частью влилась в состав новой аристократии. Джучидское правительство установило своеобразное «крепостное право» в интересах удобства сбора налогов и осуществления военной мобилизации, запретив самовольные переходы жителей между улусами. Многие близкородственные тюркские племена, ранее раскиданные по разным этнополитическим формированиям, впервые были собраны в общем территориально-политическом пространстве. Исчезновение государственных границ и межплеменных перегородок, преодоление распрей и политическое единство дало толчок их сближению и запустило важные этнические процессы, создав предпосылки слияния разрозненных тюркских племён в единые народности [33]. В результате всего этого, Золотая Орда стала «этнической колыбелью» для многих современных тюркских народов Евразии, чей этногенез, как правильно отметил В.В. Трепавлов, происходил на основе населения различных провинций этого государства [8, с. 923].

Так, именно в Джучиевом улусе во многом берёт своё начало и происхождение современных субэтнических сообществ, определяемых этнонимом «татары» (волго-уральские, крымские, сибирские, астраханские и др.). Само это слово, ныне являющееся обозначением двух наций (крымско-татарской и татарской) и двух этнических групп (буджакских и литовских татар), стало широко известно именно в период Золотой Орды. Будучи именем одного из племён (а чуть позднее – союза племён) востока Центральной Азии, оно уже задолго до татаро-монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением совокупности центрально-азиатских народов – в том числе и собственно монголов. Поэтому в большинстве средневековых источников полиэтнические монгольские войска назывались не «монголы», а «монголо-татары» либо просто «татары». Тюркские же народы Золотой Орды, по известной в истории традиции приняв на себя имя народа-завоевателя и одновременно употребляя собственные племенные наименования, стали называть себя «татарами» [16].

Таким образом, в эпоху Золотой Орды понятие «татары», употреблявшееся и как этноним, и как политоним, и как соционим, впервые получило этноинтегрирующий смысл. В западной её части (часто именуемой «Ак

Ордой»), являвшейся основным ядром государства, началось объединение тюрков в единую татарскую этническую общность. Из-за распада Джучиева улуса формирование единой татарской народности приостановилось. Позднее в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Сибирском ханствах, на территории современных Румынии, Польши, Литвы и Белоруссии на её основе стали складываться локальные этнические татарские общности (астраханские, казанские, касимовские, крымские, сибирские татары, татары-мишаре, добруджские и польско-литовские татары и т.д.), прекрасно осознающие своё этническое единство. Процессы этнической истории татар разных регионов продолжились в рамках Российского и иных государств.

В тоже время, ставить знак абсолютного равенства между понятиями «золотоордынский» и «татарский», на мой взгляд, всё-таки не совсем корректно. Этнополитическими наследниками Золотой Орды, кроме собственно современных татарской и крымско-татарской наций, следует считать большинство тюркских народов России и постсоветского пространства, ибо из неё произрастают корни их этногенеза и национальной государственности. Прямыми потомками татар Золотой Орды являются балкарцы, башкиры, казахи, каракалпаки, карачаевцы, кумыки, ногайцы, часть узбеков и др. Как правильно писал в 2011 г. Ж.М. Сабитов, «золотоордынские татары были предковым этносом для всех групп современных татар (казанских, сибирских, астраханских, крымских, польско-литовских татар), ногайцев, башкир, казахов, каракалпаков, узбеков, ушедших с Шейбани в Среднюю Азию и др.» [27, с. 173].

В пользу такого подхода говорит отчасти и то, что в последнее время в республиках Центральной Азии изучению Золотой Орды, как важному периоду в истории народов, в становлении и развитии государственности на этих территориях, стало уделяться значительное внимание. Например, исходя из того факта, что географически около трети Золотой Орды приходилось на территорию нынешней Республики Казахстан, ряд современных казахских историков предложил новый взгляд на происхождение казахского народа и его государственности. В соответствии с ним Казахстан является непосредственным и едва ли не основным историческим преемником Золотой Орды, а её история – частью национальной истории казахов, а не только «внешней» для них истории, как она рассматривалась ранее [28]. Эта точка зрения поддерживается и на политическом уровне – президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. Но я лишь подчеркну своё собственное мнение: Золотая Орда – это общее историческое достояние/наследие многих тюркских (и не только) народов, в первую очередь татар.

Наряду с положительными политическими и этническими последствиями соединение огромных территорий в составе Джучидской империи, исчезновение между ними границ и таможенных преград создало предпосылки для складывания также и единого экономического пространства, дававшего доступ к огромным материальным ресурсам в гораздо большем масштабе, чем ранее, и создававшего возможность их аккумуляции. В конкретном случае Золотой Орды особенно значимо стало то, что в рамках

одной социально-политической системы оказались объединены многочисленные группы людей, проживавшие в различных природных зонах с разнообразнейшим растительным и животным миром (пустыни и полупустыни на юге, степи и лесостепи, широколиственные леса, сибирская тайга на севере, а также горы и субтропики в Крыму и на Кавказе) и принадлежавшие к различным хозяйственно-культурным типам. Основную часть территории Золотой Орды, её ядро, составляли степи, население которых продолжало вести кочевую и полукочевую скотоводческую жизнь (в основном разводя овец и лошадей), перемещаясь с юга на север летом и в обратную сторону зимой. Количество скота в Орде поражало впечатление путешественников: так итальянец Иосафат Барбаро в течение шести дней наблюдал не прекращающееся перемещение стад, занимавших в степи всё обозримое пространство до горизонта. Одновременно, в периферийных районах и зависимых территориях (Волжско-Камская Булгария, Хорезм, Крым, Северный Кавказ, русские княжества) основой хозяйства являлось осёдлое земледелие (в т.ч. на основе трёхполья и перелого), садоводство (в т.ч. бахчевое), огородничество и стойлово-пастушеское скотоводство. Большую роль среди хозяйственных занятий населения играли бортничество, рыболовство и охота. Всё это сделало экономику Золотой Орды многоукладной, и, в конце концов, привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов между территориями, особенно в Поволжье, являвшимся центральным регионом. Огромное значение для поддержания и укрепления единства экономического пространства имело то, что на подвластных Джучиевому улусу землях была создана на более глобальном уровне общая система монетно-денежного обращения. Это было тем более важно, что многие территории, включённые в Орду, ранее не имели собственной развитой чеканки монет. Постепенно монетная система страны, состоявшая из ряда региональных монетных дворов, подвергалась всё большей унификации. В ходе нескольких денежных реформ она была упорядочена и приведена к единой стройной структуре, включавшей золотые динары, серебряные дирхемы, медные пулы, которые стремились чеканить по единой весовой норме.

Но ещё более важную роль, чем для развития внутреннего товарообмена, Золотая Орда сыграла в развитии международной торговли. Благодаря своему исключительно выгодному географическому положению она стала узлом, где пересекался целый ряд трансконтинентальных караванных торговых магистралей. Важнейшей из них служило северное ответвление знаменитого Великого Шёлкового пути, начинавшееся в Китае и через Восточный Туркестан, Семиречье, Хорезм проходившее в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачной конъюнктуре, обусловленной войнами и нестабильностью на Среднем и Ближнем Востоке, товарный поток из Китая (пряности, шёлк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы) хлынул в Европу именно через более спокойную Золотую Орду [7; 19]. Не многим уступал по своему значению поволжский «Пушной» путь (с севера на юг), который связывал мусульманский Восток с Северо-Восточной и Северной Европой и Балтикой. Также в Золотой Орде брали своё начало пути

черноморско-волжский (соединявший Причерноморье с Нижним Поволжьем и далее через Среднюю Азию в Китай и Индию) и транскавказский (связывавший Ближний Восток с Юго-Восточной Европой).

Сложно переоценить важность разнообразного товарообмена со странами Европы и Азии в хозяйственной жизни Золотой Орды. Он наполнял ханскую казну торговыми пошлинами, обогащал всевозможных посредников и многочисленную службу. Кроме того, наряду с транзитом непосредственно из подвластных самой Золотой Орде территорий в значительных количествах экспортировались зерно, пушнина, кожевенные товары, невольники. Главную же статью экспорта составлял всевозможный скот, пользовавшийся огромным спросом на внешних рынках в Западной Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке, где особенно ценились породистые поволжские скакуны. В Золотую Орду импортировалось много предметов роскоши, дорогое оружие, ткани, пряности и пр., первоочередными потребителями которых были ханский двор и знать. В силу всего вышеназванного, купечеству в Золотой Орде в соответствии с традициями, заложенными еще Чингиз-ханом, оказывалось особое покровительство. Для поощрения торговли государство старалось удерживать низкий уровень таможенных сборов, не превышавший 3–5% от стоимости товаров. Установленные в империи порядки защищали жизнь, честь и имущество торговцев, а сильная власть обеспечивала достаточный уровень безопасности перемещения караванов с товарами.

Баснословные выгоды и доходы, которые приносила трансконтинентальная торговля высшим слоям Золотой Орды, в значительной степени определяли международные амбиции ханов и их окружения, толкая их к продолжению внешней экспансии. Стремление захватить важные торговые города и распространить свой контроль на балканский и малоазиатский отрезки Великого Шёлкового пути делало Улус Джучи стратегическим противником Улуса Хулагу / государства Ильханов (с которым Орда на протяжении 1262–1390-х гг. с переменным успехом воевала на территории нынешнего Азербайджана), Византии и королевств крестоносцев, созданных на землях арабов, и, в тоже время, – союзником мамлюкского Египта и малоазиатских турок-сельджуков. Наиболее тесными были ордынско-египетские связи, благодаря кыпчакским корням правивших с середины XIII до конца XIV в. мамлюкских султанов и переносу в Египет из Багдада центра мусульманского халифата. Вообще внешняя политика и связи Золотой Орды отличались размахом, а интенсивность контактов показывает, как тесно она была связана с миром. Авторитет Джучидов на международной сцене необычайно возрос. Улус Джучи стал весомым игроком на международной политической арене, а его правители, осваивая новую роль вершителей судеб Центральной Евразии, начинают активно влиять на политические события в ближних и дальних странах: Китае, Афганистане, Индии, Средней Азии, Руси, Литве, Польше, Апеннинском и Балканском полуостровах. Благодаря широкоразветвленной системе союзов, косвенное влияние Золотой Орды «простиралось вплоть до земель Тевтонского ордена и даже до самой Испании» [40, с. 18].

В результате всего, по справедливому замечанию М.Фаверо, «Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII – середины XIV века, и её экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света... После завершения чингизидских завоеваний феноменальный торговый бум преобразовал человеческое общество и культурный ландшафт Евразии... Золотая Орда выступала сценой для этого драматического обмена. Джучидские ханы и беки играли ведущую роль в новом международном распорядке» [8, с. 4].

Именно торговля, в первую очередь внешняя, также стала одним из факторов, обусловивших другой ярко выделяющийся исторический феномен, связанный с Золотой Ордой, – превращение её из страны кочевников в страну городов. Наглядно роль торговли в этом процессе показывает география городского населения, наибольшая плотность которого наблюдалась именно в районах пересечения и на всём протяжении караванных путей с севера на юг и с запада на восток [37; 8, с. 455]. По средневековым письменным историческим источникам и картам, а также данным археологических исследований на территории Золотой Орды известно почти 150 городов и городищ. К числу крупнейших относились Сарай ал-Махруса и Хаджитархан, находившиеся на нынешней территории Астраханской области, Сарай ал-Джадид и Бельджамен (Волгоградская область), Укек (Саратовская область), Азак (Ростовская область), Болгар (Татарстан), Маджар (Ставропольский край), Дербент (Дагестан), Кырк-Ер и Солхат (Крым), Сарайчик, Сыганак (Казахстан), Аккерман (Украина), Ургенч (Узбекистан) [1; 18] и др. В этом перечне можно увидеть как старые города, сожжённые и разграбленные, пришедшие в упадок и запустение во время татаро-монгольского нашествия, чьё население частью погибло, частью было пленено и уведено в рабство, но которые быстро возродились и продолжили своё развитие в золотоордынское время, так и новые, активно возникавшие во всех частях страны [26; 6; 4; 22]. Кроме торговли появление и рост городов были вызваны необходимостью создания сети опорных пунктов для управления подчинёнными территориями. Поэтому многие золотоордынские города также выполняли функции центров крупных административно-территориальных единиц. К тому же, если ханы и высшая знать предпочитали большую часть времени находиться в своих кочевых ставках, отправляясь в города лишь на зимовки, то для возникшего многочисленного бюрократического аппарата профессиональных чиновников требовалось постоянное размещение. Постепенно и элита, аккумулировавшая огромные ресурсы и доходы, выкачиваемые с зависимых земель, продолжая вести традиционный и считавшийся престижным кочевой образ жизни, также стала испытывать стремление к приобщению к удобствам, комфорту и роскоши оседлой жизни в городах. Всё это в совокупности объясняет активную целенаправленную градосозидательную политику правителей Орды, начатую ещё Бату и достигшую наивысшего размаха в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и его сыне Джанибеке.

Первыми строителями и работниками во вновь создаваемых городах стали невольники, насильственно согнанные из завоёванных земель и жившие

на положении рабов и полурабов. Как писал посетивший в середине XIII в. Монгольскую империю Плано Карпини, татаро-монголы забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Развитие рабовладельческого уклада привело даже к организации рабских предприятий, типа мануфактур-карханов. Но уже в первой половине XIV в., когда Улус Джучи при Узбеке и Джанибеке вступает в период наивысшего расцвета и достатка, высококвалифицированные мастера из подчинённых, сопредельных и дальних стран сами начинают весьма охотно переселяться в золотоордынские города, где для них всегда находился высокий, устойчивый и хорошо оплачиваемый спрос на их труд и изделия. Как следствие здесь быстрыми темпами развиваются металлообрабатывающее, кожевенное, оружейное, деревообрабатывающее, стекольное, гончарное, ювелирное, косторезное ремесла, производство строительной керамики и многие другие отрасли. Высокого уровня достигают архитектура и строительное дело – возводятся капитальные белокаменные и кирпичные (из обожжённого и сырцового кирпича) дворцы и общественные здания (мечети, бани, караван-сарай, мавзолеи и др.), стены которых могли облицовываться расписной штукатуркой, резным ганчем и полихромными поливными изразцами. Высокий уровень благоустройства и комфортности обеспечивали системы подпольного отопления.

Города имели плотную усадебно-квартальную планировку. Знатные кочевники, переходя к полу- или полностью оседлой жизни, массово строили в городской черте и в пригородах крупные (площадью до полугектара) усадьбы, включавшие окружённые стенами многокомнатный господский дом, жилища прислуги и хозяйственные постройки, водоёмы, иногда с фонтанами, которые перемежались с садами и огородами. Простые же люди жили в юртах, землянках, наземных однокомнатных домах с деревянными и глинобитными стенами. Отдельные кварталы формировали ремесленники, специализировавшиеся на каком-либо определённом производстве, колонии армян, греков, евреев, итальянцев, русских. Роль центров притяжения, информационного обмена и связей горожан, кочевников, иностранцев и т.д. играли многочисленные базары.

Золотоордынские города, возникшие как наследие длительного исторического развития, так и в короткие сроки по повелению ханов, буквально за считанные десятилетия достигли небывалого расцвета, впечатляя своей красотой, размерами и благоустройством. Они впитали в себя градостроительные традиции многих народов, приобретая благодаря этому исключительно своеобразные и ни с чем несравнимые черты.

Быт золотоордынских городов с их благоустройством, водоснабжением, удобными и красивыми зданиями, банями и каналами, садами и дворцами, мечетями и стройными минаретами соответствовал самым высоким стандартам своего времени. Свидетельствами этого являются сохранившиеся либо найденные археологами предметы и восторженные рассказы иностранных путешественников, которых привлекали и удивляли благополучие, процветание, интенсивная городская жизнь. Буквально поражал посещавших его своим великолепием и размахом Сарай ал-Махруса (Дворец

Богохранимый) – вторая (после Болгара) столица Улуса Джучи, заложенная повелением Бату в 1240-х гг. По средневековым меркам это был настоящий мегаполис, сравнимый с Багдадом и Каиром, Константинополем и Римом того времени: его общая площадь (с пригородами) достигала 36 км², число жителей (по оценкам современников) – 75 тысяч человек. В первой трети XIV в. столица переносится в Сарай ал-Джадид (Новый Дворец), построенный в правление хана Узбека и достигший наибольшего расцвета при его сыне хане Джанибеке, переведшим сюда ханский двор¹.

По мнению авторитетных специалистов-исследователей в результате урбанизации в Улусе Джучи «отдельные районы государства превращаются в многокилометровые поселения сплошной осёдлости, состоящие из небольших городков, посёлков и замков аристократии, окружённых возделанными полями» [5, с. 13]. Крупнейшая цельная непрерывная городская агломерация от Сарая ал-Махруса до Сарая ал-Джадид сложилась в центральном районе Золотой Орды – Нижнем Поволжье, где сочетались благоприятные природные условия (плодородные пойменные низины, степные скотоводческие угодья, Волга, как важнейшая судоходная артерия) и пересекались основные караванные маршруты.

В этой области, кроме обоих Сараев, находились и другие крупные города – Хаджитархан, Бельджамен, Укек, Гюлистан и Сарайчик, которые вместе с десятками соседних поселений образовывали густонаселённый земледельческий регион. Аналогичная агломерация помещалась в междуречье Волги и Дона.

Возникновение и существование подобных гигантских урбанистических организмов было бы невозможно без одновременных преобразований окружающей среды, связанных с решением проблем ирригации в засушливых районах и снабжения многочисленных горожан продукцией растениеводства: продовольствием и техническими культурами. Задача водоснабжения решалась путём создания разветвлённой системы искусственных озёр-водохранилищ и сложных гидротехнических сооружений, с помощью которых вода поступала в города: плотин, шлюзов, дамб, арыков, подземных водопроводов и канализации из глиняных труб. Для решения второй задачи понадобилось «поднятие целины» – массовая земледельческая колонизация степи и окружение городов полосой сельскохозяйственных поселений. Механизм того, как это происходило, ещё не изучен до конца подробно, но размах проекта говорит, как минимум, о высочайшем организационном потенциале золотоордынского государства. Таким образом, в период и в результате существования Золотоордынской империи произошёл, пожалуй, невиданный ранее в истории цивилизационный сдвиг – страна (в т.ч. малолюдное ранее степное Нижнее Поволжье), большинство населения которой составляли кочевники, буквально лишь за несколько десятилетий превратилась в развитой «оазис»

¹ Отождествление Сарая ал-Махруса с Селитренным городищем в Астраханской, а Сарая ал-Джадид с Царевским городищем в Волгоградской областях является в историографии традиционным. Однако согласно ряду новых гипотез они имели иное местонахождение либо вообще были разными названиями одного города.

городской и номадо-земледельческой культур. Почти на пустом месте появились не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром яркой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и осёдлую культуры. Возникновение большого количества городов в степях за столь короткий срок – явление уникальное в истории средневековья [45; 35].

Роль городов в истории Золотой Орде особенно велика ещё и в силу того, что они становились главными центрами сосредоточения не только торгово-ремесленной и политической, но и интеллектуально-духовной жизни, местами формирования и функционирования золотоордынской культуры. Культура кочевников благодаря их высокой мобильности всегда обогащалась сильнее в результате более частых пересечений и контактов с многочисленными соседями. Монголо-татарские завоевания и возникновение Улуса Джучи привели в действие ещё более широко охватывающие культурно-исторические процессы. Как империя Золотая Орда соединила в единую политическую плоскость земли, населенные носителями самых разнородных культур, что обусловило не только взаимообмен социально-политическим опытом и усиление торгово-хозяйственных связей, но интенсивное межкультурное взаимодействие. Золотая Орда, впитав в себя культурные традиции многочисленных народов и племён Евразии, синтезировала новую культуру, ставшую ярчайшим самобытным феноменом! Её складывание происходило со второй половины XIII в. в основном путём смешения местных восточно-европейских (булгарских и кыпчакских) и пришлых центрально-азиатских (киданьско-чжурчжэньских и татаро-уйгурских) традиций. Пришельцы-завоеватели восприняли культуру подчинённых народов, одновременно привнеся в неё множество черт собственного наследия, а также влияние древнейших цивилизаций Востока (например, Китая и Персии).

Наиболее выраженное и заметное культурное смешение, взаимопроникновение и взаимообогащение можно лицезреть на примере золотоордынского художественного искусства. Для раннего периода его развития (вторая половина XIII в.) характерно проникновение в его стиль дальневосточных и центрально-азиатских традиций, которые переплетались с местными мотивами. Его стилевому синкретизму способствовал симбиоз степной кочевнической, осёдлой и городской изобразительных традиций. Также оно оказалось наполнено восточным и европейским колоритом. Позднее – на рубеже XIII–XIV вв. – на него всё больше начинают влиять ислам, ставший официальной религией в Золотой Орде, и искусство мусульманских стран. Ислам привносит свой колорит и особенности: теперь художественная стилистика попадет под регламентацию мусульманских канонов, стремящихся свести изобразительность к рамкам каллиграфии и орнамента. Хотя в народно-бытовом творчестве намного дольше сохраняется использование образов, шедших от доисламской традиции. В возникшем новом искусстве «тюркские художественные традиции... вступили в творческий диалог с художественными приёмами Монголии, Китая, Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, России и Восточной Европы», что «отражает живые материальные и духовные связи, существовавшие у Золотой Орды со всем миром» [23, с. 14].

Художественное изобразительное творчество развивалось в основном в декоративно-прикладном жанре (что, в принципе, типично для средневекового искусства). Украшения, детали костюма, посуда, предметы быта и культа, оружие, воинское и конское снаряжение – всё это пышно декорировалось благородными металлами, драгоценными камнями и самоцветами, чеканкой, гравировкой, полихромной росписью и резьбой с растительными, геометрическими, зоо- и антропоморфными и арабесковыми изображениями и орнаментами. Многие изделия, вышедшие из-под рук золотоордынских творцов, являются подлинными шедеврами искусства и на сегодняшний день по достоинству занимают место в экспозициях и фондах ведущих музеев мира, как в России (в частности, в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге), так и за рубежом.

Активное градостроительство в Золотой Орде стало основой развития ещё одного изобразительного жанра – монументально-декоративного и появления его шедевров в виде мозаичных, майоликовых и резных терракотовых облицовок, фресковых росписей, орнаментальной резьбы по камню и гипсу, гипсового литья и пластики. Особого расцвета достигла расписная декоративная майолика с богатым полихромным и орнаментальным декором, золочением, которой облицовывали фасады и интерьеры зданий, надгробия. В конструктивно-декоративных деталях, композиции орнамента, красочной многоцветности сохранившихся архитектурных памятников Болгара, Солхата, Кырк-Ер (Чуфут Кале), Эски-Юрта (Бахчисарая), Ургенча и прочих городов отразилось влияние архитектуры мусульманских стран Средней Азии, сельджукской Малой Азии, мамлюкского Египта, хулагуидского Ирана.

Как уже было отмечено выше, искусство Золотой Орды впитало традиции множества народов, и исследователи справедливо отмечают его синкретичный характер. Но и говорить об исключительно заимствованном извне характере искусства Золотой Орды также было бы в корне не правильно, поскольку, по правильной оценке Э.Д. Зиливинской, «произведения золотоордынского искусства достаточно яркие, выразительны и хорошо узнаваемы» именно в силу своей уникальности, что свидетельствует не просто о синтезе традиций, но и выработке на его основе «определённого и во многом единого стиля» [8, с. 499–500]. Как точно подчеркнул в своё время Г.А. Фёдоров-Давыдов, «разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве – главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического» с сильной тенденцией к «живописности»...» [35, с. 209]. Благодаря этому, высокохудожественные произведения мастеров Золотой Орды получили широкую известность далеко за её границами; например, встречались в дворцовом обиходе русских правителей, церковных иерархов. Более того, по мнению искусствоведов, они оказали заметное влияние, особенно в области художественной обработки металла и ювелирного дела, на творчество средневековых мастеров в соседних и дальних странах, в частности, русских и западноевропейских.

Культурный прогресс, вызванный возникновением Золотой Орды, нашёл отражение не только в изобразительном искусстве – не менее мощный импульс развития получила духовная, гуманитарная культура. В результате образования единого государства у тюркских народов сложилось и единое культурно-языковое поле, следствием чего явились коренные подвижки в лингвистической ситуации. На почве местных огузо-кыпчакских и болгарских диалектов в городах вырастает общенародное разговорное койне, а на его основе, в свою очередь, общий литературный тюркский язык (= общетатарский язык), впоследствии ставший основой для старотатарского и других тюркских литературных языков. Большое значение имело начало использования единой письменности сначала на основе уйгурского алфавита, а по мере распространения ислама – арабской графики. Высшие и средние слои населения страны получили возможность глубже изучать грамоту и основные каноны ислама, благодаря широкой сети мектебов и медресе, при которых работали библиотеки, школы каллиграфов и переписчиков. На значительный уровень грамотности среди жителей указывают находки многих бытовых предметов с надписями, а также многочисленные надмогильные эпитафии.

Наличие письменности и литературного языка стало фундаментом для развития многожанровой литературы, являющейся ещё одним индикатором высокой культуры и цивилизованности в Золотой Орде. Это хорошо показано в обобщающих работах современных исследователей [20]. В средние века мыслители, писатели, духовные деятели, как правило, могли существовать и работать только лишь благодаря поддержке и благотворительности сильных мира сего, что считалось богоугодным делом. В Золотой Орде науке и литературе особое покровительство оказывали ханы Берке, Узбек и Джанибек: при их дворах и покровительстве жили и творили многие крупные учёные, писатели из различных стран мусульманского Востока – Египта, Сирии, Малой и Средней Азии. По словам средневекового арабского историка Ахмеда ибн Арабшаха, столичный Сарай «сделался средоточием науки», за короткий срок собрав столько «учёных и знаменитостей, словесников и искусников», сколько не собиралось и в Каире [29, с. 463]. В тоже время, говоря о весомом вкладе и положительном влиянии выходцев из-за границы, необходимо отметить, что не меньшую роль в расцвете литературы золотоордынской эпохи сыграли местные представители (о чём свидетельствуют нисбы, т.е. части имён, многих деятелей духовной культуры, указывающие на место их рождения: -Булгари, -Кыпчаки, -Сараи, -Хорезми и т.д.). «Академическая мобильность» проявлялась и в том, что ордынские интеллектуалы выезжали в другие мусульманские страны [24, с. 90–91].

Золотоордынская литература органично соединила раннетюркские, в том числе болгарские традиции, восходящие к Ахмаду Югнаки, Юсуфу Баласагуни, Ахмеду Ясави, Сулейману Бакыргани, Кул Гали и др., с письменной культурой арабо-персидского мусульманского Востока (Фирдоуси, Газали, Низами, Аттара, Руми, Саади, Маарри, Абу Хамида, Навои и пр.). Значительная часть произведений создавалась путём компиляций сочинений известных арабских и персидских авторов, после перевода на тюркский язык

и адаптации к тюркской культуре вошедших в местный фольклорный и литературный канон. Большинство памятников письменности создано на тюркском языке; учёными также широко использовался арабский язык, поэтами – фарси. Литературные памятники Золотой Орды отличаются богатством идейного содержания и художественных форм, утончённость речевой стилистики, многообразие поэтических и прозаических жанров: газели, дастана, касыды, кыйссы, мадхьи (оды), марсии (элегии), повести, рубайи (четверостишия), стихотворного романа, фарда, хикаята, «ящичной композиции» и др. В силу средневековой специфики между религиозными и светскими, художественными и научно-философскими произведениями, как правило, сложно провести чёткую грань, в них сочетаются эстетические, познавательные, этико-поучительные смыслы. Основными мотивами сюжетов писателей Золотой Орды, как поэтов, так и прозаиков, были различные вопросы человеческого бытия, смысла жизни, отношения к Богу, справедливого устройства общества, взаимоотношений правителей и подданных, любви, морально-этические проблемы и др. [20, с. 678].

Без преувеличения, в сокровищницу мировой литературы вошли такие созданные золотоордынскими писателями религиозно-нравоучительные произведения, как «Кысас ал-анбия» («Сказание о пророках») Бурхан ад-дина Рабгузи (1310 г.), «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара (1320–1340-е гг.) «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуда Булгари (1358 г.), «Джумджума султан» («Царь-череп») Хисама Кятиба (1369 г.), «Кисекбаш» («Отсечённая голова») неизвестного автора; произведения светского характера: «Мухаббат-наме» («О любви») Хорезми (1353 г.), «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») Кутба (1383 г.), «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан на тюрки») и «Сухаиль и Гульдурсун» Саифа Сарай (1391 г.), лирические стихи Ахмада Ходжи ас-Сарай, Мавля Казыя Мухсина, Мавляна Исаха, Факиха Берке и др. Грандиозные исторические события золотоордынской эпохи нашли отражение в таком эпическом сказании, как дастан «Идегей» [9; 31], национальные версии которого имеются у башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, татар, туркмен, узбеков и других народов. Эти произведения стали классикой тюрко-татарской литературы, заложив её основы и определив направления бытования вплоть до современности.

Наряду с художественной литературой, местными и приезжими авторами в городах Золотой Орды создаются и научные трактаты по риторике, теософии, шариатскому правоведению, естествознанию (как прикладному, так и теоретическому), медицине; здесь расцветает «культура... арабских звездочетов... мусульманской духовной учёности, толкователей Корана, математиков и астрономов» [36, с. 118]. Уместно привести такой интересный пример: Саиф Сарай в поэме «Сухаиль и Гульдурсун» в образной форме упоминает о вращении Земли вокруг Солнца, примерно на 150 лет раньше появления научной гелиоцентрической концепции Николы Коперника. Также известны относящиеся к Золотой Орде сочинения о путешествиях, словари, формирующаяся официальная, в том числе придворная, историографическая и генеалогическая традиция, дошедшая до нас в более поздних сочинениях.

Говоря о развитии сложной многослойной золотоордынской культуры, нельзя не упомянуть о крайне специфической религиозной ситуации в государстве (также религиозный фактор, естественно, имел большое значение и для политики, идеологии, экономики). Для Монгольской империи была свойственна веротерпимость, закреплённая на уровне закона. Среди первых Чингизидов и их подданных были распространены и тенгрианство, и христианство (несторианство), и ислам. В начальную эпоху в Орде Джучиды также продолжали политику равенства представителей различных религий: идолопоклонников, иудеев, буддистов, христиан несториан, григориан и православных, мусульман и др., оставляя их в одинаковом положении. В этот период «веротерпимость и симбиоз различных конфессиональных элементов стали основой для складывания имперской надэтнической культуры» [12, с. 17].

Постепенно на господствующие позиции в золотоордынском обществе выдвинулась одна из мировых религий – ислам. Выбор ислама был обусловлен как внутренними факторами – его исповедовали в Хорезме и Волжско-Камской Булгарии уже с VIII и X вв. соответственно, так и внешними – дружественными связями с египетским султанатом мамлюков, культурно-экономическим влиянием среднеазиатской мусульманской торгово-городской элиты. Ислам стал ещё одним фактором, помогавшим соединению разнородных социокультурных и этнополитических элементов в более монолитную общность. Замена племенных языческих культов монотеистической религией духовно сплачивала население, сближало с другими мусульманскими странами, включая в культурное пространство общемировой мусульманской цивилизации. Провозглашение его в 1313 г. официальной государственной религией Улуса Джучи способствовало дальнейшей интеграции тюркоязычных народов, формированию единого тюркского этноса и оставило глубокий отпечаток на всей последующей истории тюркских народов Евразии. Многие мусульманские народы, проживающие в Российской Федерации и постсоветских республиках, рассматривают это время как период их становления, поскольку исламизация тюркских народов стала одним из важнейших элементов именно золотоордынского наследия.

Правители Золотой Орды приняли ислам под влиянием проповедников из Средней Азии, где доминировал менее ортодоксальный и более мягкий и толерантный ханафитский мазхаб. Он был более лоялен к сохранению доисламских обычаев. Поэтому долгое время не происходило глубокого проникновения нового вероучения в общественное сознание, повсеместного и полного восприятия шариатской правовой и обрядовой практики. Сам хан Узбек, по свидетельству Ибн Баттуты, злоупотреблял вином, из-за чего нередко даже опаздывал на пятничные молитвы [29, с. 300–301]. В среде кочевой знати мусульманство часто оставалось лишь внешней обрядовой оболочкой, прикрывавшей воинский кодекс чести и традиционный образ жизни. Сложный период взаимодействия ислама с традиционными верованиями проявлялся в параллельном сосуществовании и переплетении мусульманских и языческих погребальных обрядов и традиций [2, с. 125]. Новообращённые приносили в золотоордынский ислам остатки языческих суеверий, поэтому

в степи господствовал «народный ислам», воспринявший многие языческие ритуалы. Став мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков, сохраняя многие религиозные и юридические нормы монгольской «Ясы», освященной именем Чингиз-хана. В отношении культа Тенгри в Золотой Орде распространилась тюркомодернизированная форма ислама, вобравшая в себя элементы тенгрианства, как реликтовую форму исконной религии древних тюрков и монголов.

В правление ханов Узбека и Джанибека ислам стал определяющей силой в политическом и культурном развитии Улуса Джучи, стержнем имперской идеологии. Немусульмане больше не допускались к престолу и административным должностям. Более того, были казнены все знатные вельможи, отказавшиеся принять ислам, шаманы и буддийские ламы, разрушены все языческие капища. Однако, несмотря на явное доминирование ислама, в Улусе Джучи государственная политика в отношении «людей Книги» (т.е. представителей авраамических религий, не язычников) продолжала строиться с учётом принципа веротерпимости – они имели широкие права, находились под защитой и сохраняли своё самоуправление. Так, с начала 1260-х гг. действовала православная Сарайская епархия. Известны многочисленные ханские ярлыки русским православным иерархам, карающие смертной казнью за оскорбление церквей и уничтожение церковного имущества, освобождающие от всех податей и налогов и дающие им иммунитет от произвола ордынских чиновников (однако, естественно, не защищавшие ни храмы от разрушения, ни жизни священников во время боевых действий при подавлении антиордынских выступлений). Аналогичным образом выстраивались взаимоотношения правителей с монофизитами, католиками и иудеями. В городах наряду с мечетями возводились и вели службы церкви всех ветвей христианства и синагоги, имелись их отдельные кладбища [3].

В результате пересечения (и, в определённом смысле, переплетения) ислама с другими религиями и верованиями в Золотой Орде создавалась своеобразная ситуация особого межконфессионального взаимодействия; Орда «стала пристанищем различных религиозных общин, которые не просто сосуществовали, но и сотрудничали друг с другом», где «забота о международной торговле подразумевала общую идеологическую терпимость, заботу о представителях разных этнических общин, представленных в многонациональном населении Золотой Орды. Тюрки, персы, генуэзцы, русские, хорезмийцы, литовцы, армяне жили под единым правлением и перемещались по большому разнообразному миру. Это был большой исторический опыт международной глобализации» [8, с. 5].

В немалой степени причина успешного развития Золотой Орды состояла в том, что на её обширной территории сосуществовали, взаимодействовали, взаимопроникали и взаимообогащали друг друга различные народные обычаи и традиции. Однако отчасти именно такая «лоскутность», то есть слишком большое политическое, этническое, экономическое, религиозное, социокультурное многообразие, привела в итоге к тому, что Золотая Орда,

в конце концов, не выдержала испытаний, которые на неё обрушились, и распалась. Различия между её регионами вызвали различие и противоречие интересов, что, по словам М.А. Усманова, было «миной замедленного действия, которая должна была неминуемо привести к распаду империи» [32, с. 38].

Первая половина XIV в., особенно правление Узбека и Джанибека, была временем наивысшего расцвета Золотой Орды. Но уже во второй половине столетия Улус Джучи оказался перед одновременным вызовом целого ряда тяжелейших испытаний, в числе основных среди которых можно назвать следующие. Прежде всего, это экологическая катастрофа, связанная с планетарными климатическими изменениями. Глобальное похолодание вызвало в XIV–XV вв. резкое усыхание западной части евразийских степей, уменьшение количества осадков, установление малоснежных зим, постепенное наступление песков на некогда благоприятные пастбища. Одновременное повышение уровня Каспийского моря затопило значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, солёные воды вплотную подступили к нижневолжским городам. Все это нанесло сильнейший удар как по животноводческим, так и по земледельческим угодьям, спровоцировав упадок народного хозяйства Улуса Джучи. Стабильная и сытая жизнь на протяжении предшествующих десятилетий привела к демографическому росту и миграциям населения в южные зоны страны, вызвав, по мнению некоторых учёных, даже их перенаселение. Теперь же, в условиях ухудшения природно-климатических условий, это привело к участвовавшим продовольственным кризисам, периодически выливающимся в страшный голод, который заставлял людей в поисках спасения бежать из обжитых мест, вынуждая даже, по свидетельству ал-Омари, продавать своих детей.

Практически одновременно на Европу и Азию обрушилась «чёрная смерть» – страшнейшая пандемия бубонной чумы. В середине и второй половине XIV в. она несколько раз прошла по Дешт-и Кыпчаку, буквально выкашивая население, особенно в перенаселённых областях и, что ещё страшнее, городах, бывших связующими административными, экономическими и культурными центрами. Поэтому, для Улуса Джучи этот удар оказался особенно ощутимым. По словам современников, в нём от эпидемии чумы «обезлюдили деревни и города». По сообщению Бадр ад-дина ал-Айни, каждый день только в Крыму умирало почти по тысяче жителей [29, с. 530]. Можно представить, какие потери понесла страна в целом. Последствия прокатившейся по Золотой Орде «чёрной смерти», по истине, оказались ужасными [38]. Именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье.

Упадку Улуса Джучи способствовал также кризис евроазиатской торговли. Спад международного товарообмена по знаменитому Шёлковому пути, стартующему в Китае и проходящему частично через Золотую Орду, начался ещё в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй его половине. Среди вызвавших его причин были освободительное движение против династии Юань в Китае, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане,

эпидемия чумы, смута в Малой Азии после распада государства Ильханов, война между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, также резко подорвав положение золотоордынских городов и всей экономической системы.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов и внутривнутриполитические процессы, проявлявшиеся с 1360-х гг. в перманентном внутреннем социально-политическом кризисе. Сначала он выражался в постоянной борьбе за ханский престол, но к XV в. перерос в постоянное нарастание центробежных тенденций и сепаратизма.

Обессиленной эпидемией чумы, экологическими катаклизмами, экономическим кризисом, внутривнутриполитическими распрями Золотой Орде удар, от которого она уже не смогла оправиться, нанёс самаркандский эмир Тимур (Тамерлан). Нашествие его армий в 1391 и 1395 гг. охватило наиболее развитые и значимые регионы Золотой Орды – Северный Кавказ, Кубань, нижнее левобережье Днепра, Крым, среднее течение Дона, Нижнее и Среднее Поволжье, в которых были разрушены все важнейшие города, такие как Укек, Бельджамен, Гюлистан, Сарай, Хаджитархан, Маджары, Азак, Солхат/Крым [21]. Разрушение основных городских центров привело к окончательному упадку торговли и экономики в целом, фактически уничтожило чиновничество и административную систему [24, с. 122–123], и предопределило в итоге судьбу Золотой Орды. Всей совокупности обрушившихся испытаний Золотая Орда выдержать не смогла и от этих ударов уже не оправилась. Попытки вернуть стабильность Улусу Джучи реформами (укрепление централизации, денежная реформа, активное распространение ислама) и рядом военных внешнеполитических успехов, предпринятые Идегеем в начале XV в., стали, по сути, лишь агонией великой империи, к середине столетия окончательно распавшейся на ряд независимых государств.

Золотая Орда, несмотря на относительно небольшой по глобальным историческим меркам период существования – немногим более 200 лет (из которых уже примерно через 100 лет после возникновения она вошла в состояние нестабильности и распада, и ещё через 100 лет распалась окончательно), смогла оставить заметный исторический след [25; 14]. Она обладала огромной территорией, военным могуществом, широким международным влиянием, мощным государственным аппаратом, развитой многоукладной экономикой, богатой культурой, оказала глубокое и многовекторное влияние на политическую, экономическую и культурную карту Евразии. В совокупности, всё это позволяет с полной уверенностью использовать в её отношении эпитет мировой сверхдержавы средневековья. А высокий уровень развития единого комплекса оригинальных политических, хозяйственных, культурных, социальных институтов позволяет говорить о существовании особой «Золотоордынской цивилизации», как локализованной и устойчивой во времени и пространстве целостной общественной системы. При вхождении в состав Золотой Орды различные народы находились на разных стадиях своего развития: кто-то имел многовековую государственность, разделение труда

и классовое общество, кто-то стоял на родоплеменной стадии и вёл натуральное хозяйство; кто-то имел высокоразвитую культуру, кто-то не знал даже письменности. Поэтому, изначально возникнув путём завоеваний и насилия, Золотая Орда в дальнейшем играла, безусловно, огромную цивилизующую роль.

Прекратив своё существование, Золотая Орда не канула в Лету. Осталось её громадное наследие. Как я уже писал выше, это две татарские нации и иные народы, зародившиеся в золотоордынской «этнической колыбели», это широкое распространение ислама, это тюркский литературный язык, ставший основой при формировании татарского и других современных литературных языков тюркских народов, это литература, предопределившая развитие татарской и других литератур, это и искусство, это и новый уровень развития государственности, и многое-многое другое¹. Кроме того, именно Золотая Орда впервые собрала в единое целое тюркские, монгольские, финно-угорские, восточнославянские, сибирские, кавказские и других народы Евразии, впоследствии вошедшие в состав России, тем самым дав им первый опыт «сближения, взаимопроникновения и взаимообогащения культур», «порождая, среди прочего, сходство жизненного уклада и менталитета» [17, с. 57]. Родившись и окрепнув под крылом Золотой Орды, Московская Русь вскоре перехватила у неё эстафету собирания земель Евразии. А опыт (как положительный, так и отрицательный), полученный в период взаимосуществования с Золотой Ордой, позволил Руси–России превратиться со временем в крупнейшее государство мира.

Русь стала полиэтническим государством с многочисленным мусульманским населением, унаследовала многие традиции Орды и достаточно большую часть её правящего слоя. В Великом княжестве Московском и на последующих этапах истории Руси–России явные следы золотоордынского наследия можно увидеть в военной организации, денежно-фискальной системе, придворном и дипломатическом протоколе, государственной канцеляристике, аристократической титулатуре, практике государственного строительства и управления в целом, в частности в важнейшем принципе централизации государственного управления. На многие века сохранилась ямская почтово-транспортная система. Истоки формирования многих российских княжеских и боярских родов тюркского происхождения относятся ко времени Золотой Орды. Принадлежность к роду Чингизидов и другим ордынским родам ценились настолько высоко, что иногда представители московского боярства даже искусственно приписывали себе золотоордынские корни [30, с. 17]. Так что мы вполне можем говорить об исторической преемственности великих евразийских сверхдержав – Золотой Орды, Российской империй, СССР, Российской Федерации, последовательно передававших друг другу миссию «собирания» народов в общих границах. Именно поэтому Золотая Орда является частью истории современной России не только как часть истории её тюркских народов, но и как неотъемлемая часть истории всей страны в целом...

¹ О значении Золотой Орды, как ключевого этапа истории татар, см., в частности: [43; 44; 34; 11; 15].

Список литературы

1. Бартольд В.В. Золотоордынские города (Астрахань, Дербент, Кафа, Крым, Сарай, Сибирь ва Ибир, Сугдак, Хорезм) // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 336–552.
2. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. 170 с.
3. Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 15–25.
4. Волков И.В. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа, 1996. Ч. II. С. 89–91.
5. Егоров В.Л. Золотая Орда. М., 2005. 70 с.
6. Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1, март. С. 113–122.
7. Зимони И. Историческая роль Золотой Орды на Шёлковом пути и в Восточной Европе // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 143–147.
8. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань, 2016. 968 с.
9. Идегей: татарский народный эпос / Пер. с татар. С. Липкина; науч. ред. М.А. Усманов. Казань, 1990. 256 с.
10. Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2000 (2004). 271 с.
11. Измаилов И.Л. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан. 1993. № 7, 8.
12. Измаилов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. Казань, 2008. 62 с.
13. История «скифов» глазами современников / Сост. Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2001. 175 с.
14. История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. 1080 с.
15. Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. 1997. № 3. С. 14–19.
16. Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань, 2009. С. 58–65.
17. Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М., 2017. С. 54–64.
18. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 567–589.

19. Лушников О.В. Золотая Орда на Великом шёлковом пути: экономическое и культурное взаимодействие, как основа евразийской мир-системы средневековья // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 148–151.
20. Миннегулов Х.Ю. Литература // История татар с древнейших времён: В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 676–680.
21. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007. 108 с.
22. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.
23. Пиотровский М.Б. Красивая память об общем прошлом // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 14–15.
24. Почекаев Р.Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб., 2017. 206 с.
25. Почекаев Р.Ю., Ускенбай К.З. Улус Джучи и его наследие // Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы, 2008. С. 248–251.
26. Руденко К.А. Развитие городской культуры булгарской области Золотой Орды в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 333–340.
27. Сабитов Ж.М. О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 166–173.
28. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. О новой парадигме истории происхождения казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана. Астана, 2014. С. 274–283.
29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 588 с.
30. Трепавлов В.В. Золотая Орда в общественном сознании и историографии // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М., 2017. С. 14–21.
31. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань, 1999. 200 с.
32. Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. – СПб., 2000. С. 26–46.
33. Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 101–109.
34. Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и её роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 5–17.
35. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 229 с.
36. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976. 228 с.

37. Фёдоров-Давыдов Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1. С. 38–59.
38. Хайдаров Т.Ф. Природные и социально-экономические кризисы в Золотой Орде // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 639–657.
39. Хамидуллин Б.Л. Хазары и их вассалы глазами современников. Казань, 2014. 280 с.
40. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань, 2016. 500 с.
41. Энхчимэг Ц.Ц. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 152–155.
42. Энхчимэг Ц.Ц. К изучению истории Таласского курултая // Материалы международной научной конференции «Монгольская империя (образование, расцвет, распад)». Улан-Батор, 2004. С. 327–335.
43. Госманов М.Г. Алтын Урда: тарих һәм мирас // Мирас. 1993. № 8. 37–47 б.
44. Фәхретдинов Р. Алтын Урда һәм татарлар. Чаллы, 1993. 32 б.
45. Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated by H. Bartlett Wells. Oxford, 1984. 278 p.

Сведения об авторе: Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, e-mail: bulat.antat@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.

Принят к публикации 14.01.2019.

THE PHENOMENON OF THE GOLDEN HORDE CIVILIZATION

Bulat Khamidullin

*Institute of Tatar encyclopedia and area studies,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
bulat.antat@mail.ru*

Abstract. The result of the whole complex of political, social, economic and natural-climatic factors in the second third of the XV century the Ulus of Jochi ceased to exist as a unified state. The collapse of The Golden Horde led to the appearance of a whole "constellation" of States that continued the Golden Horde traditions and represented a complete medieval Confederation. On the basis of the ulus of the Golden Horde, a new state-"the Yurt" – Ulug Ulus (Great Horde

1441–1502), Crimean (1441–1783), Kazan (1445–1556), Kasimov (1445–1681), Tyumen/Siberia (1446–1598), Astrakhan (1459–1556), Uzbek (1469–1510) and Kazakh (1469–1718) khanate descendants of Juchi Khan, the Nogai Horde (Mangitski Yurt, 1480–1613) Imageicon, as well as other smaller state formations descendants of the Golden Horde of the Tatars in the territory of Southern and Central Europe to Central Asia and Siberia, to varying degrees, has inherited the tradition of the Golden Horde's political system, economy and culture. And today, few people argue that the Golden Horde directly and indirectly had a huge impact on the formation of Russian statehood. Moreover the transformation of the Moscow Principality in Muscovy and then the Russian Empire occurred after the collapse of the Golden Horde in the struggle for its political and territorial legacy. All this creates a huge interest in the phenomenon of the Golden Horde civilization.

Keywords: Golden Horde, civilization, phenomenon, Tatars, Kazakhs, Nogais, Uzbeks, heritage, Russia.

For citation: Khamidullin B. The Phenomenon of the Golden Horde Civilization. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(1): 36–61. (In Russ.)

References

1. Bartol'd V.V. Zolotoordynskie goroda (Astrahan', Derbent, Kafa, Krym, Saraj, Sibir va Ibir, Sugdak, Horezm). Bartol'd V.V. Sochineniya. Vol. III. M., 1965. S. 336–552. (In Russian)
2. Vasil'ev D.V. Islam v Zolotoj Orde: istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Astrahan', 2007. 170 s. (In Russian)
3. Volkov I.V. Zolotaya Orda i hristianskij mir (arheologicheskie svidetel'stva istoricheskikh yavlenij). *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2001. № 4. S. 15–25. (In Russian)
4. Volkov I.V. Predposylki vzniknoveniya zolotoordynskih gorodov (Azak i okrug). XIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie. Tezisy dokladov. Ufa, 1996. CH. II. S. 89–91. (In Russian)
5. Egorov V.L. Zolotaya Orda. M., 2005. 70 s. (In Russian)
6. Zeleneev YU.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya: vzniknovenie, vremya sushchestvovaniya i ehtnokul'turnaya harakteristika. *Istoriya i sovremennost'*. 2010. № 1, mart. S. 113–122. (In Russian)
7. Zimoni I. Istoricheskaya rol' Zolotoj Ordy na SHyolkovom puti i v Vostochnoj Evrope. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 143–147. (In Russian)
8. Zolotaya Orda v mirovoj istorii. Kollektivnaya monografiya. Kazan', 2016. 968 s. (In Russian)
9. Idegej: tatarskij narodnyj ehpos. Per. s tatar. S. Lipkina; nauch. red. M.A. Usmanov. Kazan', 1990. 256 s. (In Russian)
10. Iz glubiny stoletij. Sost. B.L. Hamidullin. Kazan', 2000 (2004). 271 s. (In Russian)
11. Izmajlov I.L. Ulus Dzhuchi: vzglyad na istoriyu srednevekovoj imperii. *Tatarstan*. 1993. № 7, 8. (In Russian)

12. Izmajlov I.L., Hamidullin B.L. Islam v Zolotoj Orde. Kazan', 2008. 62 s. (In Russian)
13. Istoriya «skifov» glazami sovremennikov. Sost. B.L. Hamidullin. Kazan', 2001. 175 s. (In Russian)
14. Istoriya tatar s drevnejshih vremen: V 7 t. T. IV. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. Kazan', 2014. 1080 s. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Klyuchevoj ehtap tatarskoj istorii. *Tatarstan*. 1997. № 3. S. 14–19. (In Russian)
16. Iskhakov D.M. Ulus Dzhuchi: tatarskaya ili mongol'skaya derzhava? Iskhakov D.M. Istoricheskie ocherki. Kazan', 2009. S. 58–65. (In Russian)
17. Kadyrbaev A.SH., Syzdykova ZH.S. K voprosu ob istoricheskikh preemnikah Zolotoj Ordy. XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoj Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnyh tradiciyah narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g. M., 2017. C. 54–64. (In Russian)
18. Kramarovskij M.G. Gorod i gorodskaya zhizn' v Zolotoj Orde // Istoriya tatar s drevnejshih vremyon: V 7 t. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. S. 567–589. (In Russian)
19. Lushnikov O.V. Zolotaya Orda na Velikom shyolkovom puti: ehkonomicheskoe i kul'turnoe vzaimodejstvie, kak osnova evrazijskoj mir-sistemy srednevekov'ya. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 148–151. (In Russian)
20. Minnegulov H.YU. Literatura. Istoriya tatar s drevnejshih vremyon: V 7 t. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. Kazan', 2009. S. 676–680. (In Russian)
21. Mirgaleev I.M. Materialy po istorii vojn Zolotoj Ordy s imperiej Timura. Kazan', 2007. 108 s. (In Russian)
22. Nedashkovskij L.F. Zolotoordynskij gorod Ukek i ego okrug. M., 2000. 224 s. (In Russian)
23. Piotrovskij M.B. Krasivaya pamyat' ob obshchem proshlom. Sokrovishcha Zolotoj Ordy. SPb., 2000. S. 14–15. (In Russian)
24. Pochekaev R.YU. Zolotaya Orda. Istoriya v imperskom kontekste. SPb., 2017. 206 s. (In Russian)
25. Pochekaev R.YU., Uskenbaj K.Z. Ulus Dzhuchi i ego nasledie. Bol'shoj atlas istorii i kul'tury Kazahstana. Almaty, 2008. S. 248–251. (In Russian)
26. Rudenko K.A. Razvitie gorodskoj kul'tury bulgarskoj oblasti Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv. (po dannym arheologii). *Zolotoordynskoe nasledie*. Kazan', 2011. Vyp. 2. S. 333–340. (In Russian)
27. Sabitov ZH.M. O proiskhozhdenii ehtnonima «uzbek» i «kochevye uzbeki». *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2011. Vyp. 4. S. 166–173. (In Russian)
28. Sabitov ZH.M., Kushkumbaev A.K. O novoj paradigme istorii proiskhozhdeniya kazahskogo naroda. Vtoroj kongress istorikov Kazahstana. Astana, 2014. S. 274–283. (In Russian)
29. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih. SPb., 1884. 588 s. (In Russian)

30. Trepavlov V.V. Zolotaya Orda v obshchestvennom soznanii i istoriografii. XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoj Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyah narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g. M., 2017. С. 14–21. (In Russian)
31. Urmanche F.I. Narodnyj ehpos «Idegej». Kazan', 1999. 200 s. (In Russian)
32. Usmanov M.A. Zolotaya Orda: istoki i nasledie. Sokrovishcha Zolotoj Ordy. – SPb., 2000. S. 26–46. (In Russian)
33. Usmanov M.A. Ob osobennostyah rannego ehtapa ehtnicheskoy istorii ulusa Dzhuchi. *Tyurkologicheskij sbornik*. 2001. Zolotaya Orda i eyo nasledie. M., 2002. S. 101–109. (In Russian)
34. Fahrutdinov R.G. Zolotaya Orda i eyo rol' v istorii tatarskogo naroda. Iz istorii Zolotoj Ordy. Kazan', 1993. S. 5–17. (In Russian)
35. Fyodorov-Davydov G.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya. M., 1994. 229 s. (In Russian)
36. Fyodorov-Davydov G.A. Iskustvo kochevnikov i Zolotoj Ordy: Ocherki kul'tury i iskustva narodov Evrazijskih stepej i zolotoordynskih gorodov. M., 1976. 228 s. (In Russian)
37. Fyodorov-Davydov G.A. Torgovlya nizhnevolzhskih gorodov Zolotoj Ordy. Materialy i issledovaniya po arheologii Povolzh'ya. Joshkar-Ola, 1998. Vyp. 1. S. 38–59. (In Russian)
38. Hajdarov T.F. Prirodnye i social'no-ehkonomicheskie krizisy v Zolotoj Orde. Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dnei). Almaty, 2016. S. 639–657. (In Russian)
39. Hamidullin B.L. Hazary i ih vassaly glazami sovremennikov. Kazan', 2014. 280 s. (In Russian)
40. SHpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. / Perevod s nemec. yaz. i komment. M.S. Gatina. Kazan', 2016. 500 s. (In Russian)
41. EHnhchimehg C.C. Vzaimootnosheniya CHagatajskogo ulusa i Zolotoj Ordy. *Zolotoordynskaya civilizaciya*. 2017. № 10. S. 152–155. (In Russian)
42. EHnhchimehg C.C. K izucheniyu istorii Talasskogo kurultaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Mongol'skaya imperiya (obrazovanie, rascvet, raspad)». Ulan-Bator, 2004. S. 327–335. (In Russian)
43. Gosmanov M.G. Altyn Urda: tarih h  m miras. *Miras*. 1993. № 8. 37–47 b. (In Tatar)
44. F  hretdinov R. Altyn Urda h  m tatarlar. CHally, 1993. 32 b. (In Tatar)
45. Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated by H. Bartlett Wells. Oxford, 1984. 278 p.

About the author: Bulat Khamidullin, Cand. Sci. (History), the head of the Center for the study of the Tatar diaspora, Institute of Tatar encyclopedia and area studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan), e-mail: bulat.antat@mail.ru

Received December 28, 2018.

Accepted for publication January 14, 2019.